

Е. Н. Шумьга

Рациональность в научном исследовании

Интерес к проблеме научного познания объясняется не только интеллектуальными запросами отдельных ученых, стремящихся постичь тайны познания и творческого мышления. Естественное для философа стремление к пониманию сущности самого процесса мышления (например, с точки зрения его творческого потенциала, его гипотетических механизмов и приемов), выход на аналитический уровень исследования неминуемо сопровождается возникновением философских вопросов, как традиционных, так и относительно новых. Философские проблемы, возникающие на основе и в ходе исследований процесса научного творчества и касающиеся «техни-ки» научного открытия, тем не менее почти никогда не становились исходным пунктом рассмотрения собственно «технологии открытия». Философскому содержанию проблематики такого рода долгое время не придавалось никакого методологического значения и в этом отношении весьма показательны утверждения типа: «Анализ природы научного таланта ничего не дает тем, у кого его просто нет...»¹; или: «...ни одна онтологическая концепция... не имеет никакого значения для математики...»².

Последнее из приведенных высказываний довольно отчетливо выражает отношение к философии в целом, которое некоторое время тому назад было весьма распространенным в определенных научных кругах. Однако для нас важен не этот скепсис по отношению к возможности философии, а факт признания проблемы взаимодействия специально-научного и философского знания. Ракурс исследования особенностей такого взаимодействия, когда в центре внимания оказывался поиск методов, приемлемых для самого широкого

круга общенаучных и (или) теоретических проблем чаще всего ограничивался указанием на эвристическую функцию философской методологии в целом. Эта проблематика в большей мере интересовала непосредственно философов-методологов (стремящихся понять движение идей изнутри) и лишь за редким исключением — узких специалистов, которые хотя и пользовались философским лексиконом при обосновании своих концепций, все же рассматривали философские понятия лишь как теоретические и философски нейтральные.

Опуская историю взаимоотношений философского и специально-научного знания, напомним, что центральной темой развернувшихся дискуссий стал вопрос о научности. При этом неудовлетворенность в отношении понимания *научности* выразилась с обеих сторон — как в характеристике эмпирического языка науки, так и на уровне обоснования теоретического знания. Идеалом последнего, как известно, явилась математика. Соответственно этому математизация знания рассматривалась как необходимая и закономерная тенденция развития науки, в особенности в тех ее областях, которые наиболее оснащены со стороны теории.

Теория как средство получения нового знания, модели теории изучались философами с позиции их методологической ценности. Поэтому первые предостережения в отношении безусловной тенденции развития (теоретизации, математизации той или иной отрасли) научного знания, так же, впрочем, как и предостережения по поводу идеализации или придания философского статуса всем без исключения принципам и методам научного исследования появились в связи с перемещением внимания философов к *методологии научной деятельности*. Впервые заговорили о том, что не всякий методологический анализ науки является философским ее анализом. Подчеркивалось, что существуют уровни методологического анализа, на которых не возникает еще собственно философская проблематика. «С этой точки зрения, — пишут В.А.Лекторский и В.С.Швырев, — осуществляемое логикой и методологией науки исследование различных методологических процедур и форм научного знания, таких как гипотетико-дедуктивный метод, аксиоматическая система, объяснение, доказательство, моделирование и прочее, не представляет собой собственно философского исследования»³.

Другие ученые продолжали настаивать на том, что сама проблема анализа развития науки, рассматриваемая с точки зрения используемых ею философско-методологических принципов, порождена всем ходом развития научных теорий и может представлять собой объект философского анализа. Говорили о философском языке на

уки, о необходимости более убедительного обоснования методологических принципов и их систематизации. При этом обращение к изучению природы научного знания расценивалось как *прорыв* за ограничивающие рамки идеологических препонов⁴.

Вслед за господством идеи абсолютной суверенности разума, который стремится к постижению истинной сущности вещей, оставаясь при этом как бы сторонним наблюдателем и предполагая возможность построения абсолютно объективной картины мира, постепенно приходит осознание того, что достижима лишь относительно истинная картина реальности. Научным сообществом начинает все больше осознаваться и признаваться тот факт, что онтология теоретического знания в своих построениях исходит не только из специфики объекта, но определяется также особенностями метода, посредством которого осваивается этот объект.

Большинство отечественных исследователей нового поколения, рассматривая идеалы научности, выдвигают категорию *научная картина мира* как такое емкое (глобальное) понятие, которое призвано подчеркнуть общую тенденцию к систематизации и интеграции знания, характерную для современного состояния науки (С.Б.Крымский, Б.Я.Пахомов, В.С.Степин, В.Ф.Черноволенко). В частности, Б.Я.Пахомов настаивает на том, что научные картины мира не отличаются от теории «ни своим языком, ни отношением к средствам получения и проверки знания, ни отношением к структуре человеческой деятельности или социальным условиям познания, ни чем-либо еще»⁵. Тем самым различие между научной картиной мира и теорией теряет всякий смысл.

Конечно, подобная позиция не была оставлена без критики. И хотя одни авторы дискуссии подчеркивали эвристическую функцию научной картины мира (В.С.Степин), а другие рассматривали картину мира как универсальное средство интеграции знания (Л.В.Яценко) или совокупность истин определенной эпохи (П.С.Дышлевый), все сходились в главном — в признании мировоззренческого аспекта общенаучной картины мира как части общих воззрений на мир. Более того, понятие общенаучная картина мира использовалось как определенный методологический принцип, оказывающий влияние на стратегию самого теоретического исследования (В.С.Степин).

Большой интерес у философов и методологов науки возникает к проблеме понимания нового знания. Современные представления о критериях развития научного знания уже не укладываются в простые схемы его прогрессивного накопления или экстенсивного роста. По

нятие нового знания начинает осмысливаться в плане развития форм его методологической организации. Творческое мышление идет по пути осмысления нового как *нового типа знания* и связано уже не столько с освоением новых объектов действительности или открытием новых истин, сколько с реорганизацией самих форм знания. Речь идет в первую очередь о различных исторических *типах рациональности*. При этом новое знание рассматривается как результат определенных изменений в организации научного сознания или даже как смена типа рациональности. Поэтому о развитии знания следует говорить, по-видимому, не в применении к отдельной теории или системе знания (где все-таки следует учитывать возможность приращения нового знания, например благодаря внутренней связности и согласованности элементов теории) — понятие развития в широком смысле следует рассматривать в контексте *эволюции научного знания*. И только на этом фоне, в этом широком контексте размышлять об изменениях методологических предпосылок и установок познания.

Новые черты идеала научной теории и в связи с этим потребность выявления ее онтологических постулатов в качестве принципов (метода) обоснования знания особенно ясно прослеживаются в эпохи так называемых глобальных научных революций. Для таких эпох характерен не только пересмотр оснований науки, но изменение типа научной рациональности. Рассматривая эволюцию научного знания и выделяя основные исторические типы научной рациональности в их исторической последовательности: *классическую, неклассическую и постнеклассическую*, В.С.Степин пишет: «Классическая наука полагает, что условием получения истинных знаний об объекте является элиминация при теоретическом объяснении и описании всего, что относится к субъекту, его целям и ценностям, средствам и операциям его деятельности. Неклассическая наука (ее образец — квантово-релятивистская физика) учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой обнаруживается и познается объект. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире). Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями»⁶.

Итак, рассуждая вслед за Степиным, следует признать, что между типом научной рациональности и способом осуществления познания (и типом знания) существует определенная зависимость. Эта зависимость исторически (и эпистемологически) обусловлена и проявляется в совокупности норм и принципов познания, всякий раз адекватных тем исследуемым объектам, на которые направлена исследовательская и познавательная деятельность.

Между тем остается открытым вопрос природы научного познания как такой проблемы, для которой уточнение критериев рациональности будет адекватно разработке стратегии научного исследования, имплицитно и эксплицитно обусловленной принимаемыми типами рациональности. Конечно, мы должны иметь в виду, что отправным тезисом в предлагаемой типологии рациональности, о которой мы будем размышлять в дальнейшем, является уверенность в том, что окружающая нас действительность рациональна, поскольку она упорядочена. Соответственно этому наше понимание природы научного познания будет раскрывать свою сущность по мере того, как мы будем постигать природу научной рациональности.

Критерии рациональности

Обоснование критериев рациональности представляет собой проблему, вовлеченную в споры на всевозможных уровнях философского рассмотрения. Само слово *рациональность* интерпретируется по-разному, в зависимости от тех плоскостей, в которых этот термин используется. Не удивительно поэтому и существование множества концепций того, что следует понимать под рациональностью. Наиболее общая характеристика рациональности чаще всего сводится к определению (оговариванию) условий или критериев того, что считать рациональным. Традиционные точки зрения сформулировали эти условия весьма неоднозначно. Так процесс научного творчества в условиях традиционного рационализма подразумевает использование идей, которые ясно выражены, их аргументы и суждения — очевидны, а сам исследователь обладает интеллектуальной интуицией. Традиционный эмпиризм в обосновании рациональности ссылается на особенность восприятия и индуктивное обоснование. Современные последователи этих течений вносят значительные уточнения к списку критериев, оставаясь, однако, в границах, определенных точками зрения своих предшественников.

Например, у приверженцев *логического эмпиризма* научное знание представляет собой совершенно конкретную (но, впрочем, единственную) модель рациональности. Причем идеальным воплощением

ем и конечной точкой реализации человеческой рациональности согласно их концепции творчества представляется научное познание. В этой сфере деятельности познающий субъект может конструировать такие теории, которые могли бы претендовать на всеобщую важность для всех рационально мыслящих субъектов. Тем самым лишь в сфере науки и научной деятельности мы представляли бы собой существа, полностью рациональные.

Критерий рациональности, сформулированный логическим эмпиризмом, в самом общем виде может быть охарактеризован как *эмпирический сенсуализм*, который в качестве своего основного методологического требования выдвигает *эмпирическое обоснование*. Однако стоит заметить, что здесь наука как некий идеал, а вместе с этим научная деятельность как идеальный способ реализации творческого мышления — воплощенная рациональность — представляются внутренне связанными лишь до тех пор, пока развитие научного знания и прогресс техники трактуются как безусловное благо.

Близкие к идеям логического эмпиризма условия рациональности можно встретить у представителей Львовско-Варшавской философской школы. Критерий рациональности, сформулированный основателем Школы Казимежем Твардовским и развиваемый его учениками, в большей мере касается двух аспектов. С одной стороны, выдвигается безусловное требование к языку: *выражаемость* (т.е. ясность и определенность выражения мысли), *коммуникативность* (изложенный материал должен быть выстроен таким образом, чтобы быть не только достаточно понятным, но и открытым для обсуждения); и *интеллектуальная контролируемость*. С другой стороны, эта совокупность условий дополняется требованием обоснованности, как со стороны предмета исследования, так и со стороны гносеологической составляющей процесса научной деятельности (понимание, факт, метод, теория и т.д.). Этим критериям рациональности придают нормативный характер, по крайней мере, они должны удовлетворять требованиям, предъявляемым к стилю философствования.

В своем небольшом эссе «О ясном и неясном философском стиле» Твардовский подчеркивает мысль о том, что было бы неверно полагать, будто бы неясность стиля находится в непосредственной связи с глубиной содержания философских произведений. «Трудно допустить, — пишет Твардовский, — чтобы кто-то был в силах доказать, что все сочинения, трактующие о некотором философском предмете, отличаются неясным стилем; в то же время не составляет труда доказать, что даже о вещах, считающихся повсеместно трудными и запутанными, тот или иной философ в состоянии выразиться совер-

шенно ясно. Отсюда возникает предположение, что неясность стиля некоторых философов не является неизбежным следствием факторов, заключенных в предмете их выводов, но имеет своим источником туманность и неясность их способа мышления»⁷.

Твардовский настаивает на том, что существует тесная связь между языком и мышлением, тем более тесная, чем более абстрактную мысль выражает язык, ибо наша мысль, в особенности мысль абстрактная, сразу же появляется в словесной форме. «Если же при звуковом выражении наших мыслей или при их записывании мы сталкиваемся с трудностями и сомнениями, — размышляет Твардовский, — если мы подбираем выражения, меняем первоначальный порядок, в котором наши мысли приходили нам в голову, то мы делаем это именно потому, что при таком проявлении наших мыслей голосом или письменно, мы открываем в них некоторые неясности, которые бы не заметили, когда первоначальные мысли разворачивались в нас. Ведь подобное проявление мысли замедляет их течение, разворачивает их вновь перед нами в более медленном темпе, а тем самым облегчает обнаружение недостатков, сразу не замеченных»⁸. И в конце своего эссе Твардовский приходит к убеждению, что «автор, не умеющий ясно выразить свои мысли, не умеет также и ясно мыслить, так что его мысли не заслуживают того, чтобы тратить усилия на их отгадывание»⁹.

Ученик и последователь Твардовского К.Айдукевич идет дальше. Он исследует философско-логические основания языка, предполагая при этом, что необходимым условием рационального мышления является обладание смыслом того или иного языка. В центре исследования оказывается не только естественный язык, но язык науки, в первую очередь язык логики. Он рассматривает соотношение языка и смысла (в самом широком контексте) и выдвигает такие требования рациональности, как интересубъективная коммуникабельность и интересубъективная верифицируемость¹⁰.

Таким образом, постулаты, сформулированные в отношении рациональности, которые мы находим у представителей Львовско-Варшавской школы, предполагают: (1) ясность мышления и точность его артикуляции; (2) учет требований логики; (3) надлежащее обоснование.

Рассмотрим более подробно каждый из постулатов данной модели рациональности. Сразу же отмечу, что совокупность предложенных критериев рациональности у современных исследователей получила название *стандартная модель рациональности*. Тем не менее каждый из выдвинутых постулатов не является жестким; он открыт для дальнейшего методологического уточнения или даже критики.

В случае постулата *надлежащего выражения*, за которым стоит требование ясного мышления и точности артикуляции, вопрос встает о том, удастся ли указать какой-то каталог повсеместно принимаемых критериев точности, отвечающий этим критериям. Что касается сферы естественных наук, таких, как геометрия, алгебра, формальная логика, то здесь критерии точности более ясны, чем, скажем, в области широко понимаемых гуманитарных наук и философии, язык которых представляет собой естественный язык и где отсутствует согласие по поводу основных методологических вопросов.

С меньшими трудностями мы сталкиваемся по вопросу о постулате *учета требований логики*. Этот постулат часто называют *логической рациональностью*, понимая под рациональностью два основных требования: одно — постулирующее уклонение от противоречий, второе же — предполагающее обладание дедуктивными способностями.

Конечно, мы должны принять во внимание, что реальные люди в их обычной жизни не в состоянии отвечать такого рода идеализированным требованиям логической рациональности. Например, постулат строгого и неукоснительного соблюдения принципа противоречия привел бы к тому, что появление в какой-нибудь системе убеждений пары противоречивых предложений выводило бы за пределы рациональности. Подобное требование в отношении выполнимости всех выводов из системы убеждений или хотя бы только выполнимых выводов превратило бы убеждения индивидов, не соблюдающих это условие, в людей, лишенных черт рациональности. Между тем действительные убеждения, питаемые людьми, часто заключают в себе хотя бы единичные противоречия. Это объясняется не только конечной природой самого человека, особенностями его мышления и организации его психики, но и заблуждениями, без которых трудно представить себе нашу жизнь и которые свободно манифестирует человек, проявляя уровень своего познания или действуя в той или иной сфере.

Концепции рациональности, как справедливо отмечает, например, современный польский философ Ришард Клеш, требующие, чтобы никогда не принимать противоречивого множества предложений и осуществлять все (или хотя бы только все исполнимые) выводы, не могут быть соотнесены с реальными людьми, но с существами, обладающими исключительными интеллектуальными стремлениями, великолепной памятью и использующими исключительно безошибочные методы рассуждения. Однако такая ситуация, справедливо отмечает ученый, требует отхода от идеализированной модели логической рациональности¹¹.

Третьим из рассматриваемых условий рациональности является *постулат эмпирического обоснования*. Действительно, убеждения, у которых отсутствуют какие-либо обоснования, не могут считаться рациональными. Поэтому утверждения, претендующие на выражение рациональных убеждений, должны быть соответствующим образом обоснованы. Это удовлетворяет нашим представлениям о том, что степень доверия, с которой мы воспринимаем те или иные утверждения и с которыми мы повсеместно сталкиваемся в обычной жизни, не должна превышать степени их обоснованности.

Однако проблема усложняется, когда в центре внимания оказывается наука. Трудности обоснования современного научного знания возникают в связи с тем, что обоснование часто предстает в форме парадигмы или даже представляет собой целую программу в качестве такой парадигмы; причем круг обсуждаемых научных проблем (в рамках этой программы) может заявлять о себе в форме научной дискуссии. Поскольку даже по вопросам фундаментального характера продолжают вспыхивать дискуссии, мы вынуждены поставить под сомнение безусловно-универсальный характер рассматриваемого здесь постулата. Наконец, рост знания о языке и метанаучный уровень современного познания избавляет нас от заблуждений по поводу абсолютно точной, окончательной или единственно верной формулировки критериев выполнимости. Поэтому мы должны согласиться с мнением тех, кто считает невозможным простое механическое перенесение или автономное применение предложенной (или какой-то иной) *стандартной модели рациональности* (претендующей на универсальность) ко всем без исключения областям научно-исследовательской деятельности.

Нам следует учитывать и такие позиции в отношении критерия рациональности, в которых понятию рациональности придается более широкий смысл и оно фигурирует уже в более широком контексте, нежели специально-научный аспект рассмотрения. Например, современный польский философ К. Шаняевский, изучая соотношение рациональности и ценности, предостерегает нас от использования критерия рациональности в качестве универсальной концепции, пригодной для исследований в любых областях знания¹².

Углубляясь в критику «стандартной модели рациональности», отмечу, что эта критика чаще всего исходит от представителей так называемого *релятивизма*. Это те философы, социологи и антропологи культуры, которые подчеркивают относительность всех допустимых критериев рациональности. Согласно их единому мнению критерии рациональности должны быть продиктованы культурой (или той со-

вокупностью характеристик культуры, которые группируются в определенную систему). Поэтому даже в тех единичных случаях, когда мы будем задаваться вопросом о том, действительно ли рациональны какие-либо суждения, убеждения или даже теории, то в конечном счете мы должны будем апеллировать к какой-то «общей системе», образующей данную культуру.

В этом смысле антропологи культуры не одиноки. Так уже Витгенштейн отвергает тезис о существовании единой языковой системы, которую можно анализировать при помощи формальных методов. Согласно так называемой *второй философии* Витгенштейна, философия языка должна приводить к признанию того, что критерии рациональности будут различаться в рамках всевозможных языковых игр. К такой позиции очень близко примыкает и программа *«методологического анархизма»*, отвергающая убеждение, что определенные критерии (например, поведение системы) являются рациональными (или нет), независимо от обстоятельств. Представляющий эту позицию П.Фейерабенд отвергает сам тезис о существовании универсальной рациональности, формулирующей безотносительные правила и критерии.

Если мы по каким-то причинам отвергаем позицию релятивистов как губительную, например, для философии, то это не означает, что проблема преодоления трудностей обоснования *стандартного подхода* исчезает сама собой. И здесь важно обратить внимание на те исследования, в которых предлагается конкретное решение проблемы рациональных критериев научного исследования в качестве приемлемого и оптимального исследовательского метода.

Так Хилари Патнэм признает, что рациональные методы удастся выстроить в виде определенного списка или каталога (канона) правил рациональности. Согласно его точке зрения такой список позволил бы определить, обладают ли на самом деле те или иные высказывания познавательным значением или нет. Он называет эти списки *критериальными концепциями*. Для критериальных концепций характерно то, что они по сути представляют собой институциональные нормы, которые как раз и определяют, что является рациональным. Подобная гипотетическая критериальная концепция в целом такова, что рациональным подтверждением тех или иных положений теории (философской концепции и т.п.) оказывается лишь то, что критериально верифицируемо¹³.

Между тем тезис, согласно которому следует принимать только то, что критериально верифицируемо, сам не может быть критериально верифицируемым, следовательно, не может быть рационально

принимаем. Поэтому нормы, признаваемые научным сообществом и (или) принимаемые публично, не могут служить основанием для принятия решения по вопросу о том, является ли философский аргумент рационально обоснованным. Любая же дискуссия о природе рациональности предполагает понятие рационального оправдания, которое шире, чем понятие критериальной рациональности.

Итак, следует признать, что само понятие рациональности сложно для описания. Поэтому единственный путь, который может способствовать лучшему пониманию природы рациональности, является развитие философской концепции рациональности.

Типология рациональности

Философская концепция рациональности строится исходя из определения рациональности, о которой мы уже знаем, что относительный характер смысла этого определения зависит от тех познавательных условий, в которых оказывается само наше понимание того, что считать рациональным.

В качестве исходного основания в предлагаемой типологии рациональности будут использованы следующие параметры, благодаря которым мы будем различать отдельные типы рациональности. Итак, типы рациональности мы будем различать, во-первых, по отношению к видам предметов, о которых имеются рациональные высказывания; во-вторых, по отношению к виду ситуации и, наконец, по виду критериев рациональности. В соответствии с этими основаниями предлагается различать:

- (1) рациональность мышления и рациональность действия;
- (2) рациональность здравого рассудка и научную рациональность;
- (3) рациональность ценностей и рациональность знания;
- (4) онтическую рациональность;
- (5) рациональность формальную и рациональность материальную;
- (6) эпистемологическую рациональность;
- (7) прагматическую рациональность.

По-видимому, стоит пояснить, почему в данную типологию включена онтическая рациональность. Дело в том, что онтология (или теория бытия) рассматривает полный онтологический универсум, включая все предметы, являющиеся возможными. Поэтому философски правомерными и логически оправданными являются такие вопросы бытия (в том числе касающиеся природы процесса научного познания), которые направляют логико-методологические исследова-

ния и при этом сводятся, как это ни парадоксально, всего к двум глобальным вопросам: что возможно и почему это возможно? Или, другими словами, как возможно возможное?

Известный польский философ Ежи Пежановский, занимающийся логико-философскими проблемами онтологии, пишет: «Ввиду природы этих вопросов онтология является наиболее дискурсивной дисциплиной. Фактически она представляет собой общую теорию возможности. С другой точки зрения, она может рассматриваться как общая теория отношений, общая теория вещей и свойств или теория ситуаций, событий и процессов»¹⁴.

Он предлагает различать три составные части онтологии: *онтику*, *онтометодологию* и *онтологику*.

Онтика посвящена выбору онтологических проблем и понятий, их дифференциации, классификации и анализу; конструированию концептуальной сети данной онтологической теории и формулировке разумных онтологических гипотез. *Онтометодология* занимается способами разработки онтологии и их принципами наряду с методами и типами онтологических конструкций. Наконец, *онтологика* — это «логика царства онтики»; это дисциплина, которая исследует онтологические связи, в частности, логические отношения между онтическими положениями¹⁵.

Формулируя условия классификации рациональности и выстраивая ее типологию, следует упомянуть о том, что существует рациональность, которая помогает нам судить о познании, опираясь на наш разум и чувства, т.е. вполне естественной представляется включение в наш список так называемую *эпистемологическую рациональность* (которая предполагает, что мы что-то знаем и ориентируемся в этом нашем знании), а также *рациональность прагматическую*.

Прагматическая рациональность касается высказываний, которые неизбежно присутствуют в познании и являются важной составляющей самого процесса научного творчества и познания в целом. Например, рациональность исследовательской программы раскрывает свою прагматическую (позитивную) сущность при формулировании общих целей исследования, его конкретных задач и при формулировании рациональных способов и средств анализа.

Наряду с типологией рациональности, которая призвана дать наиболее общее представление о философской концепции рациональности и о тех элементах, которые ее составляют, важное методологическое значение в понимании природы научного познания играют различные познавательные, общенаучные и культурные ценности. Их следует рассматривать также с позиции рационального,

прагматического или эмпирического значения. Поэтому в дальнейшем мы будем рассуждать о том, что представляет собой так называемая рациональная ценность научного познания.

В основании деления этого типа ценностей — **рациональных ценностей**, лежит убеждение в том, что мир фактов и мир ценностей не соединены какими-либо логическими связями, что делает невозможным определение одной рациональности через другую. Онтологический статус ценности существенно отличается от онтологического статуса эмпирических фактов и других предметов, связанных с эмпирическим знанием. Речь идет, в первую очередь, о понятиях, употребляемых в исследовательской и теоретической деятельности, таких, например, как «предмет исследования», «познавательный фактор», «носитель знания», «высказывание» и т.п. Разница между онтологическим статусом рациональности и онтологическим статусом эмпирических фактов в принципе может быть даже больше, чем мы можем предполагать, например, больше чем различие, которое мы усматриваем в онтологическом статусе предметов и понятий или, наконец, между видами знания (научным, общенаучным или философским). Для того, чтобы отличить один вид рациональности от другого нужно абстрагироваться от ситуации, в которой выносятся суждение о рациональности, и обратить внимание на то, чему эта рациональность приписывается. Это поможет определить, является ли какое-то суждение универсально-значимым или это суждение должно рассматриваться как рациональное в узком его понимании и применении.

Нельзя путать, очевидно, **рациональность ценности** с ценностью рациональности. Рациональность ценности характеризует собой: (1) либо ценности как таковые — этот тип рациональности предполагает, что философ в своей исследовательской деятельности опирается на описание ценностей, управляющих человеческой деятельностью; либо (2) рациональность ценности подразумевается в специфических высказываниях оценочного характера. В первом и втором случаях это разные по объему понятия. Если соотносить их с нашей типологией, то в первом случае понятие рациональной ценности совпадает по значению с **онтической рациональностью**.

Иногда при описании того, чем является рациональное знание — особенно в контекстуальных определениях этического или этико-религиозного содержания, используют некоторые описания, относящиеся в большей степени к так называемой **прагматической рациональности** (которая обладает более широким содержательным полем и смыслом). Утверждается, например, что рациональность ценностей

основывается не на морализировании, а на разъяснении понятий, уточняющих понимание такого рода этических (или религиозных) ценностей, на указании их собственного, присущего им смысла; на исследовании отношения между ценностями и условиями реализации этих ценностей в реальной действительности или практике. Например, в религиозной практике или в традиционном поведении людей того или иного этноса, в той или иной культуре и т.п.

В случае (2), когда речь идет о специфических высказываниях оценочного характера, рациональность ценности по смыслу и объему понятия сближается с рациональностью знаний (в нашей классификации типов рациональности).

Конечно, можно предположить, что нет существенного различия — по крайней мере, по отношению к методам обоснования — между высказываниями о ценностях, и высказываниями о фактах, и признать, что онтологический статус обоих видов высказываний тот же самый. Поясню: высказывания характеризуют объективное состояние вещей. Такие высказывания можно квалифицировать через отношение к ним как к выражению *рациональности знания*. Тогда объем понятия «рациональность ценности» будет тождественным тому, что мы вкладываем в наше понимание рациональной ценности знания. Поэтому «рациональность ценности» мы будем квалифицировать как подмножество множества характеристик понятия «рациональность знания».

Для того, чтобы исчерпать весь список наших представлений о рациональности вообще, или, иначе говоря, для того, чтобы исчерпать объем понятия *рациональность*, необходимо было бы уточнить также объем понятий, по крайней мере, еще двух типов, а именно: «онтической рациональности» и *рациональности действий непознавательных* (поскольку познавательная деятельность относится к объему понятия «рациональность знания»).

Подводя некоторые итоги в отношении наших представлений о рациональности вообще, стоит напомнить, что свою исследовательскую задачу я видела в том, чтобы показать роль и значение рациональности в научном познании. В свете этой задачи мы рассмотрели также условия (и критерии) рациональности как такого принципа или подхода, который оказывается методологически приемлемым для исследования процесса познания и научного мышления. На мой взгляд, принцип рациональности раскрывает свою методологическую функцию в зависимости от того научного (философского, теоретического или специально-научного) контекста, в котором это общее понятие используется.

Конечно, предложенная типология рациональности не может претендовать на полную и окончательную завершенность всех ее параметров, задействованных в той или иной исследовательской деятельности. В своем изложении представленного материала я стремилась сконцентрироваться на исследовании рациональности как важном методологическом элементе, участвующем в обосновании научного знания. В этом смысле для меня было важно соблюсти два взаимосвязанных условия — как можно точнее описать критерии рациональности и выявить некоторые познавательные параметры рациональности как метода, и при этом максимально сохранить философский уровень рассмотрения проблемы.

Многие философы, занимающиеся логикой и методологией научного познания, тем не менее используют примеры из самых разных дисциплин для уточнения своих философско-методологических открытий. Например, Е.Пежановский исследует вопросы онтологии и при этом широко пользуется не только формальной логикой, но также выходит на обоснование нового знания посредством обоснования такого направления научных исследований, которое он называет когнитология. Эта достаточно новая дисциплина комплексно изучает процессы познания с помощью методов логики, лингвистики, психологии, герменевтики и компьютерных наук. Тем самым методологический круг вопросов, касающийся исследования природы научного познания, также попадает в сферу когнитологии.

Такая тенденция развития знания в целом подтверждает мою мысль о том, что современная наука развивается не односторонне (или прогрессивно), а «проблемно» (т.е. от проблемы к проблеме). Не только один и тот же объект может исследоваться различными научными дисциплинами в самых разных отношениях, что характеризуется как интеграция знания в целом, но одна и та же проблема возникает и исследуется разными научными дисциплинами. Наконец, в недрах отдельных дисциплин можно наблюдать возникновение проблем, которые требуют комплексного их решения. И тогда чаще всего встает вопрос о междисциплинарном характере той или иной проблемы. Эта тенденция довольно отчетливо проявляется на уровне рассмотрения современных философских проблем.

Многие исследователи довольно широко используют результаты исследований самых различных областей знания в качестве иллюстративного материала для усиления собственной исследовательской позиции. Например, Мешко Тавасевич, выступая на ежегодном форуме польских философов (г.Торунь, Польша, 1997) и рассматривая проблему рациональности, предложил несколько способов оп-

ределения того, чем является рациональность. Он предложил рассматривать рациональность через описание отдельных методологических правил, которые должны выполнять научные теории (гипотезы, высказывания, методы, подходы), и эти методологические правила принять как рациональные.

Например, в ситуации с исторической наукой. Здесь для того чтобы исследование было рациональным, исторический материал должен быть подвержен селекции, т.е. должны быть выделены и отделены факторы *существенные* и *несущественные*; кроме того, должен использоваться прием *идеализации*. Однако эти условия столь общие, что можно было бы их применить и к множеству других наук. Возьмем, к примеру, биологическое знание. В биологических науках рациональным является признание таких разных методологических подходов, как исследование структуры организмов, исследование различных элементов по отношению к их биологическим функциям; исследование исторической изменчивости (эволюционный подход) в качестве взаимодополняющих, а не конкурирующих подходов. Оказывается, однако, что сведение (или редукция) всех указанных аспектов к какому-то наиболее общему подходу, единому или универсальному — не проходит, а использование только одного из указанных подходов существенно обедняет биологию. Все это наводит на мысль о том, что одним из способов описания рациональности является выделение ее принципов, т.е. все тех же критериев рациональности.

Вводя логический язык обоснования, М.Тавасевич предложил следующую схему обоснования принципов рациональности.

Допустим, что индивид x рационально признает суждение P . Это значит, что (1) x знает методы обоснования суждений того же типа, что P ;

(2) x имеет свидетельства, адекватные этим методам;

(3) x убежден в истинности P тем в большей степени, чем в большей степени P обосновано.

Однако эта чересчур общая формулировка относительно мало говорит о том, что является собственно рациональным. Более содержательным, на мой взгляд, является такое понимание рациональности, когда мы рассуждаем или описываем параметры рационального знания. Итак, рациональное знание — это:

— знание, которое получено методически;

— сформулировано в intersубъективно понятном языке (коммуникативном, не туманном), т.е. в языке, выполняющем исключительно информативную функцию;

— это знание логически систематизированное (непротиворечивое и последовательное);

- оно обосновано межсубъективно контролируемым способом;
- это знание свободно от эмоционально-волевых состояний.

На первый взгляд кажется, что в определении параметров рационального знания много критериев, которые не отличаются друг от друга.

Действительно, вместо пункта (2) можно говорить о том, что знание должно быть точно артикулированным, либо выражено ясным и точным языком. Вместо критерия (3) можно говорить, что знание должно быть логически последовательным, а вместо критерия (4) говорить об эмпирически обоснованном или эффективном знании, согласованном с эмпирией. Во всяком случае, обе предложенные «модели рационального знания» описаны с помощью уточняющих и взаимосвязанных критериев, которые тем не менее не являются конкурирующими. Поэтому вполне правомочным представляется уже высказанное ранее утверждение, что одним из способов описания рациональности является выделение ее принципов (или критериев).

Иной способ рассуждать о рациональности — это, образно говоря, *логика вне языка*. Суть этого способа рассуждения состоит в том, чтобы непосредственно обращаться к разуму, к согласию с разумом. Утверждается же, например, что только в разум можно войти без предварительного сообщения оснований. Это, конечно, шутка! И тем не менее научно оправданы только те суждения о действительности, которые можно вполне обосновать с помощью *естественного света разума*. Поэтому даже на таком (обыденном) уровне рассмотрения условий рациональности следует помнить, что рациональность должна быть проявлением интеллектуальной ответственности за сформулированные взгляды.

Уровни рациональности

Следует признать, что предложенная типология рациональности представляет собой открытую модель рациональности. Она не является такой единственной или унитарной моделью, которая могла бы рассматриваться как адекватная и приложимая к разнообразным областям познания и деятельности. Думаю, что претензия на создание (или гипотетическое обоснование) унитарной и абсолютно полной модели рациональности, формулирующей какой-то один состав критериев, вряд ли имеет значение для развивающегося знания. В особенности, если мы вспомним о той «проблемной» направленности развития научного знания, о которой я уже упоминала в предыдущем параграфе. Другое дело, что вполне допустимым кажется создание так называемой *ослабленной модели рациональности*, которая признавала

бы, например, необходимость критики (и удовлетворяла бы требованиям критики в каких-то своих позициях), одновременно постулируя менее жесткие, «ослабленные» условия. Например, касающиеся стандартов точности контроля данных или степени точности языка, подразумевая под этой точностью формализованность теоретического аппарата науки (ведь никто теперь не станет настаивать на непрерывной математизации или формализации языка всех областей науки или всех сфер научной деятельности). Скорее всего, нам понадобилось бы создание не одной, а нескольких «ослабленных» моделей рациональности, приложимых в той или иной сфере научного творчества.

Рассматривая эти факторы и подчеркивая исторический характер рациональности, а стало быть, и относительный характер критериев, определяющих стандарты рациональности, мы должны признавать, что существуют определенные условия рациональности, которые являются всеобщими для всех существ, кто имеет пропозициональные установки, либо действует интенционально. Если по отношению к таким всеобщим критериям использовать понятие *метапринцип* и рассматривать уровень метапринципов, т.е. тот уровень, на котором формулировались бы некоторые общие и универсальные принципы, то число самих метапринципов также может быть предметом дискуссии. Поэтому я соглашусь с мнением Д.Дэвидсона, который, размышляя на схожую тему, использует понятие «фундаментальные принципы рациональности». Совокупность этих фундаментальных принципов, пишет Дэвидсон, не образует какой-то законченный список, тем не менее каждое мыслящее существо принимает определенные базисные стандарты или нормы рациональности¹⁶. Именно о таких нормах следует размышлять как о метапринципах рациональности, и выделять такие метапринципы, которые представляются наиболее важными для исследовательской деятельности. Итак, это: (1) языковая точность; (2) соблюдение законов логики; (3) критичность; (4) способность решения проблем.

Требование языковой точности мы рассмотрели довольно подробно, в частности, когда приводили точку зрения К.Твардовского, касающуюся языка и стиля философствования. Рассуждая вслед за Твардовским и расширяя выдвинутые им условия рациональности в качестве критерия точности языка, следует подчеркнуть, что по отношению к научной деятельности этот критерий (или метапринцип рациональности) предстает в новом аспекте — в виде *понятийной рациональности*. Уточнение понятийного языка науки предполагает, что круг вводимых понятий (введение новых определений и научных понятий) необходимо соотносить с целями и задачами самого

исследования. Иначе говоря, требовать от исследователя той точности определений и ясности изложения материала, которую позволяет природа предмета исследования.

Конечно, требовать от людей в их повседневной жизни постоянно соблюдать полную языковую точность практически невозможно. Однако это не снижает, а, напротив, усиливает особые требования к естественному языку — быть понятным (*выражаемым*) и открытым для коммуникации. Поэтому в интерпретации критерия рациональности, связанного с выражаемостью, а также для понимания сущности этого метапринципа, следует указать на то, что здесь рациональность и дискурсивность оказываются достаточно близкими терминами, связанными друг с другом. Более того, рациональность конституируется в сфере коммуникативных процессов, что дополнительно высвечивает потребность в заботе о сохранении языковой точности при любых видах коммуникации.

Постулат соблюдения логической рациональности, как другой важнейший метапринцип, требует от ученого (исследователя) выполнения, по крайней мере, двух определенных условий: одно касается непротиворечивости, а другое подразумевает обладание соответствующими дедуктивными способностями.

Согласно этому постулату противоречия, во множестве появляющиеся в различных убеждениях (мнениях, оценках и т.п.), должны быть устранимы. Однако само по себе существование логического механизма устранения противоречий не гарантирует того, что каждое из противоречий может быть подвергнуто элиминации. Поэтому для решения этой проблемы необходимо использовать принцип т.н. *минимальной рациональности*. Например, принимая условие минимальной непротиворечивости в исследовательской практике, мы сможем избежать некоторых трудностей, в частности трудностей, связанных с аргументацией в изложении материала исследования. В то же время этот принцип позволяет предвидеть поведение субъекта убеждений при сохранении и использовании тех условий в контексте споров, которые возникают в философии науки.

Постулат минимальной рациональности (например, минимальной непротиворечивости) может быть применим к научным теориям в тех случаях, когда мы имеем дело с так называемыми аномалиями. Минимальная непротиворечивость, не требующая полного устранения всех противоречий, тем не менее позволяет рассматривать такие теории как рациональные. И с течением времени аномалии этого типа могут быть устранены.

Обладание соответствующими *дедуктивными способностями* (как второе условие критерия минимальной рациональности или требование соблюдения логических принципов) предполагает, что субъект (ученый, исследователь) обладает множеством убеждений, но умеет делать выводы из этого множества. Другими словами, обладание дедуктивными способностями предполагает реальную рациональную деятельность и устремленность к так называемой *выводимости*. Минимальная рациональность в смысле минимальной выводимости не предполагает логического всеведения. Между тем остается открытым вопрос о том, какими критериями должен руководствоваться исследователь, стремящийся быть рациональным, и при этом выполнять требование минимальной выводимости. Мы не считаем рациональным индивидуума, который осуществляет определенные, но полностью случайные выводы из множества своих убеждений. Отсюда возникает потребность следовать не только критичности, но и обоснованности знания и тех методов (постулатов, принципов, критериев), которые используются в каждом конкретном случае или в каждом отдельном исследовании.

Таким образом, условия обоснования критериев рациональности, даже в том случае, что мы безоговорочно будем признавать некоторые всеобщие принципы рациональности, пригодные для решения исследовательских задач и квалифицировать их как метапринципы, во всех этих случаях мы должны учитывать и такие объективные обстоятельства, связанные с реализацией цели исследования, как его принципиальная решаемость. А это, со своей стороны, предполагает, что исследователь так или иначе учитывает прагматический характер критерия рациональности. Что же касается деятельности в области теории, то порой решаемость проблемы считается главным подтверждением того, является или нет теория рациональной.

Примечания

- ¹ *Селье Г.* От мечты к открытию: как стать ученым. М., 1987. С. 34.
- ² *Френкель А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств. М., 1966. С. 413.
- ³ *Лекторский В.А., Швырев В.С.* Методологический анализ науки (типы и уровни) // *Философия. Методология. Наука.* М., 1972. С. 13-14.
- ⁴ См.: *Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П.* Отечественная философия науки: предварительные уроки. М., 1997. С. 222.
- ⁵ *Пахомов Б.Я.* Картина мира в структуре теоретического знания // *Теория познания и современная физика.* М., 1984. С. 99.
- ⁶ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция М., 2000. С. 712.
- ⁷ *Твардовский К. О* ясном и неясном философском стиле // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы.* М., 1999. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Айдукевич К.* Язык и смысл // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы.* М., 1999. С. 309-348.
- ¹¹ *Kleszcz R.* Kryteria racjonalności // *Filozofia Nauki.* Rok IV, 1996, Nr 2(14). S. 123.
- ¹² См.: *Szaniawski K.* Racjonalność jako wartość // *O nauce, rozumowaniu i wartościach,* Warszawa, 1993. S. 524.
- ¹³ См.: *Putnam H.* Two Conceptions of Rationality // *Reason, Truth and History.* Cambridge, 1981. P. 110.
- ¹⁴ *Perzanowski J.* Ontologic // *Logic and Logical Philosophy.* No 2. 1994. P. 4.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 4.
- ¹⁶ *Davidson D.* Incoherence and Rationality // *Dialectica,* V. 4, 1986. P. 35.